

Посвящается Пат Кавана

БЕЗБИЛЕТНИК

Бегемотов посадили в трюм вместе с носорогами, гиппопотами и слонами. Это была хорошая идея — использовать их в качестве балласта, но можете себе представить, какая там стояла вонь. А убирать за ними было некому. Мужчины едва успевали кормить, а их надушенные женщины, от которых разило бы не меньше, чем от нас, не будь этих шлейфов искусственных ароматов, до подобной грязной работы не снисходили. Поэтому если кому и случалось убирать, так только нам самим. Каждые два-три месяца с помощью лебедки подымали тяжелую крышку кормового люка и запускали туда птиц-санитаров. Правда, первую волну смрада приходилось пережидать (даже крутить лебедку редко кто соглашался по доброй воле); затем несколько самых непривередливых птиц с минуту осторожно порхали вокруг люка, а потом уж ныряли внутрь. Не могу припомнить, как они все назывались — между прочим, одной из тех пар больше не существует, — но вы знаете, о ком речь. Вы ведь видели гиппопотамов с разинутой пастью и смысленных пташек, выклеывающих то, что застряло у них между зубами, словно помешанные на гигиене дантисты? Вообразите себе эту картину, но в увеличенном масштабе и на фоне навозных куч. Я не из брезгливых, но даже меня бросало в дрожь при виде того, как целой

компании подслеповатых чудищ наводят красоту в выгребной яме.

На Ковчеге соблюдалась строгая дисциплина — об этом стоит сказать в первую очередь. Он не был похож на те пестрые деревянные игрушки, которыми вы забавлялись в детстве: все счастливые парочки довольно глазают за борт из своих уютных чистеньких стойл. Не воображайте себе что-то вроде круиза по Средиземному морю, где мы от нечего делать поигрывали в рулетку да знай переодевались к обеду; фраки на Ковчеге носили только пингвины. Помните: это было долгое и опасное Путешествие — опасное, хотя кое-какие правила и установили заранее. Помните также, что у нас имелись представители всего животного мира: не посадите же вы гепарда на расстоянии прыжка от антилопы? Обеспечить известную безопасность было необходимо, и мы смирились с надежными замками, проверками стойл, ежевечерним комендантским часом. Но, как это ни грустно, были еще и наказания, и изоляторы. У кого-то из нашей верхушки появился пунктик, сбор информации; и некоторые пассажиры согласились работать осведомителями. Я должен с прискорбием сообщить, что временами доносы властям были вполне обычным явлением. Нет, наш Ковчег отнюдь не походил на заповедник; иногда он скорее напоминал плавучую тюрьму.

Конечно, я знаю, что те события описывают поразному. У вашего вида имеется часто повторяемая версия, которая до сих пор привлекает даже скептиков; у животных есть ряд своих сентиментальных мифов. Но им-то ни к чему искать разоблачений, верно? Они-то ведь выглядят прямо героями, они ведь гордятся тем, что каждый из них может проследить свою генеалогию вплоть до самого Ковчеге. Они были избранными, они все перенесли, они уцелели; для них

довольно естественно сглаживать неловкости, демонстрировать удобную забывчивость. Но меня в этом смысле ничто не сдерживает. Я не был избранным. Собственно говоря, вместе с несколькими другими видами я никак не мог очутиться в числе избранных. Я был, так сказать, безбилетником; я тоже уцелел; я ускользнул оттуда (покинуть корабль было не легче, чем попасть на него); и я преуспел в жизни. Я стою немного особняком от остальной звериной братии, где еще сохраняются ностальгические союзы: есть даже Клуб Морских Волков, объединяющий виды, которые ни разу не страдали от качки. Когда я вспоминаю наше Путешествие, я не чувствую себя обязанным никому; благодарность не застит мне глаза. Моему отчету вы можете верить.

Думаю, вы уже догадались, что «Ковчег» был больше чем одним кораблем? Это название мы дали целой флотилии (ведь нельзя же рассчитывать втиснуть весь животный мир на единственное судно длиной в каких-нибудь триста локтей). Дождь шел сорок дней и сорок ночей? Да конечно же нет — это было бы не дольше самого обыкновенного английского лета. По моей прикидке, дождь шел года полтора. А вода стояла на земле сто пятьдесят дней? Подымай выше — лет до четырех. И так далее. Представители вашего вида никогда не умели правильно оценивать сроки. Я приписываю это вашей непонятной одержимости числами, кратными семи.

Вначале Ковчег состоял из восьми судов: галеона Ноя, который тащил на буксире судно с припасами, четырех кораблей поменьше — их капитанами были Ноевы сыновья — и шедшего на безопасном расстоянии (поскольку члены этой семьи очень боялись заразы) санитарного корабля. Восьмое судно, сопровождавшее нас недолго, имело загадочное назначение;

этот небольшой ходкий шлюп, вся корма которого была изукрашена филигранной резьбой по сандаловому дереву, угодливо держался поближе к ковчегу Хама. Очутившись с его подветренной стороны, вы могли уловить странные дразнящие ароматы; по ночам, когда утихала буря, оттуда временами доносились разухабистая музыка и визгливый смех — звуки для нас неожиданные, поскольку мы полагали, что все жены всех сыновей Ноя сидят в тепле и уюте на своих собственных кораблях. Однако это надушенное, развеселое суденышко оказалось непрочным: его утопил внезапный шквал, и Хам несколько недель после этого ходил задумчивый.

Следующим потерялся корабль с припасами — в беззвездную ночь, когда ветер стих и вахтенные дремали на посту. Утром за флагманским галеоном Ноя болтался лишь обрывок толстого троса, перегрызенного каким-то существом, обладающим острыми резаками и умением лазить по мокрым веревкам. Должен заметить, что взаимных обвинений хватало, да и то сказать — по-моему, это был первый случай исчезновения вида за бортом корабля. Вскоре потерялась и наша плавучая больница. Поговаривали, будто бы два этих события связаны, будто Хамова жена, которая была чересчур раздражительна, решила отомстить животным — очевидно, за то, что вместе с грузовым кораблем пропала коллекция вышитых одеял, труд всей ее жизни. Но наверняка так ничего и не выяснили.

Однако гораздо более серьезным несчастьем была потеря Варади. Вы знаете про Хама и Сима и про того, чье имя начинается на И; но о Варади вы даже не слышали, правда? Это был самый младший и самый сильный из сыновей Ноя, что, разумеется, не прибавляло ему популярности в семье. А еще у него было

чувство юмора — по крайней мере, он часто смеялся, а ведь у представителей вашего вида это обычно соответствует умению понимать шутку. Да, Варади был всегда весел. Видели, как он прогуливался по шканцам с попугаями на обоих плечах; он похлопывал четвероногих по крестцу, на что они отвечали одобрительным ворчанием; и ходила молва, будто на его ковчеге царят гораздо менее суровые законы. И вот вам, пожалуйста: как-то поутру мы проснулись и обнаружили, что корабль Варади исчез за горизонтом вместе с одной пятой всего животного мира. Вам, думаю, понравился бы симург с серебристой головкой и павлиньим хвостом; но птица, которая гнездилась на Древе Познания, была так же незащищена среди морских волн, как и обыкновенная пятнистая полевка. Старшие братья Варади говорили, что он не смог удержать курс; ругали его за панибратство с животными; намекали даже, что Бог покарал его за какую-то давнюю провинность — он якобы совершил нечто дурное, будучи еще восьмидесятипятилетним ребенком. Но чем бы ни объяснялось исчезновение Варади, это была серьезная потеря для вашего вида. Его гены очень вамгодились бы.

Для нас вся эта история с Путешествием началась, когда нам велено было явиться в назначенное место к назначенному сроку. Тогда мы и услышали о предстоящем впервые. Политическую подоплеку дела держали от нас в секрете. То, что Бог разгневался на свои создания, было для нас новостью; мы попались в ловушку, как кур во щи. *Нас-то* винить было не за что (вы ведь не принимаете всерьез басню насчет змея? это была Адамова грязная пропаганда), однако же и нам досталось полной мерой: каждый из видов был целиком стерт с лица земли, за исключением единственной брачной пары, обреченной на скитания

по морям под началом старого мошенника и пропойцы, которому покатила уже седьмая сотня.

Итак, нам дали приказ; но правду, обратите внимание, от нас утаили. Вы что же, воображаете, что поблизости от Ноева дворца (о да, он был не из бедных, этот Ной!) обитали подходящие представители всей земной фауны? Ну-ну. Нет — им пришлось кинуть клич, а потом выбирать лучших. Поскольку они не хотели вызывать всеобщую панику, было объявлено соревнование парочек — нечто вроде конкурса красоты плюс проверки на сообразительность при наличии трогательного союза сердец, — а претенденты в назначенный месяц должны были собраться у Ноевых ворот. Представляете, сколько возникло проблем? Для начала, не все любили соревнования, так что удача, возможно, ожидала самых нахрапистых. Звери, у которых не хватало смекалки на то, чтобы читать между строк, решили, что им просто ни к чему выигрывать право на роскошный круиз для двоих, все расходы оплачены, благодарим за участие. Не учли Ной с семейкой и того, что животные некоторых видов тогда находились в спячке; не говоря уж об очевидном обстоятельстве, что одни звери передвигаются медленнее других. Существовали, к примеру, такие особенно неторопливые ленивцы — чуждые создания, клянусь вам, — которые еще не успели спуститься к подножию дерева, как уже были сметены гигантской волной Божьего гнева. Как это, по-вашему, называется — естественный отбор? Я бы назвал это профессиональной некомпетентностью.

Приготовления, скажу честно, шли из рук вон плохо. Ной запоздал с постройкой ковчегов (когда рабочие обнаружили, что для них самих каюты не предусмотрены, это им прыти не прибавило); в результате отбору животных было уделено недостаточное

внимание. Первую же более или менее сносно выглядевшую пару встречали кивком — это стало системой; экзамен ограничивался лишь самой поверхностной проверкой родословной. И потом, они говорили, что возьмут по паре от каждого вида, — говорить-то говорили, но когда дошло до дела... Компания кое-каких существ оказалась попросту нежелательной. Так случилось и с нами; именно это вынудило нас пробраться на судно тайком. Были также отклонены заявки многих животных, которые имели основания считаться представителями особого вида. Нет, объясняли им, у нас уже есть двое ваших. Мало ли что у вас несколько лишних колец на хвосте или полоска пушистой шерсти вдоль хребта! *Вы* у нас уже есть. Извините.

Были прекрасные животные, явившиеся в одиночку и потому не принятые; были родители, которые не захотели бросить потомство и предпочли погибнуть вместе с ним; были медицинские осмотры, зачастую весьма бесцеремонные; и все ночи напролет тьма за оградой Ноева дворца оглашалась стенаниями отвергнутых.

Можете вы себе представить, что творилось, когда правда о целях этого загадочного конкурса наконец просочилась наружу? Разумеется, хватало и ревности, и некрасивых поступков. Некоторые из самых благородных животных просто ушли в лес — они не стали играть по оскорбительным правилам, навязанным им Ноем и Господом Богом, и предпочли смерть в волнах. Много резких и завистливых слов было сказано о рыбах; у амфибий явно прибавилось самодовольства; птицы учились как можно дольше держаться в воздухе. Кое-какие разновидности обезьян были замечены за строительством своих собственных грубых плотов. Однажды в Лагере Избранных вспыхнула таинственная эпидемия пищевых отравлений,

после чего для отдельных, наименее выносливых видов пришлось заново начинать процесс отбора.

Иногда Ной и его сыновья буквально впадали в истерику. Это не очень-то согласуется с вашей версией? Вам ведь всегда внушали, что Ной был мудр, праведен и богобоязнен, а я отрекомендовал его истеричным мошенником и пропойцей? Что ж, две эти точки зрения нельзя назвать абсолютно несовместимыми. Вот вам подсказка: в Ное было мало хорошего, *но взглядели бы вы на остальных*. Нас отнюдь не удивило, что Бог решил отмыть себе репутацию, — странно только, что он вообще не изничтожил весь этот вид, создание которого делает так мало чести его творцу.

Временами Ной балансировал на грани срыва. Ковчег строился медленно, рабочих надо было торопить, сотни напуганных зверей столпились вблизи его хором, и никто не знал, когда же пойдет дождь. Бог не пожелал даже сообщить Ною сроки. Каждое утро мы смотрели на облака: пригонит ли тучи, как обычно, западный ветер, или Бог нашлет свой ливень особого назначения с какой-нибудь неожиданной стороны? Погода понемногу портилась, и вместе с тем росла вероятность мятежа. Некоторые из отказников хотели захватить Ковчег и спастись сами, другие хотели вовсе разрушить его. Животные, склонные к умозрению, стали предлагать иные методы отбора, основанные на учете размеров претендентов и их полезности, а не только на числе; однако Ной высокомерно запретил все обсуждения. Это был человек со своими собственными маленькими теориями, и он не собирался их пересматривать.

Когда флотилия была уже почти готова к отплытию, ее приходилось охранять круглые сутки. Многие пытались пробраться туда тайком. Однажды поймали рабочего, который выдалбливал себе келейку в ниж-

них тимберсах грузового корабля. Бывали весьма печальные зрелища: лосенок, повешенный за бортом Симова ковчега; птицы, пикирующие на защитную сетку; и так далее. Пойманных безбилетников казнили на месте; но даже этими публичными экзекуциями не удавалось запугать отчаянных. Я горжусь тем, что наш вид проник на корабль без кровопролития и не прибегая к помощи взяток; но мы-то не так заметны, как тот же лосенок. Как нам это удалось? У нас был прозорливый родитель. В то время как Ной с сыновьями грубо обыскивали поднимающихся по сходням животных, бесцеремонно прочесывая руками подозрительно длинную шерсть и впервые в истории проверяя укромные места пассажиров (правила гигиены при этом, конечно, не соблюдались), мы уже были надежно скрыты от их взора и спокойно лежали в своих каютках. Один из корабельных плотников устроил нас на судне, едва ли догадываясь об этом.

Два дня ветер дул со всех сторон сразу; затем пошел дождь. Разверзлись хляби небесные, дабы отмыть от скверны наш грешный мир. Огромные, с голубиное яйцо капли расшибались о палубу. Счастливики, представители видов, покинули Лагерь Избранных и были разведены по своим кораблям; это смахивало на принудительное массовое бракосочетание. Потом люки задраили, и все мы начали привыкать к темноте, тесноте и духоте. Вначале это не слишком нас беспокоило — уж больно мы радовались спасению. Дождь лил и лил, иногда сменяясь градом, барабанящим по доскам у нас над головой. Временами снаружи доносились раскаты грома и почти непрерывно — жалобные вопли покинутых животных. Постепенно крики становились реже; мы поняли, что вода прибывает.

Наконец настал день, которого мы так ждали. Сначала нам показалось, что последние уцелевшие тол-

стокожие предприняли отчаянную попытку с боем прорваться на Ковчег или хотя бы перевернуть его. Но нет: просто наше судно дало крен, снимаясь со стапелей. Этот момент, я считаю, был наивысшей точкой всего Путешествия; изъясления братских чувств и благодарности в адрес человека лились рекой, как вино за Ноевым столом. Затем же... но, возможно, главная беда как раз в том, что звери проявили наивность, доверясь Ною и его Богу.

Основания для беспокойства возникли еще до того, как поднялись воды. Я знаю, что ваш брат смотрит на наше царство сверху вниз, порицает нас за жестокость, вероломство и каннибализм (хотя вы должны были бы признать, что это скорее сближает нас с вами, чем наоборот). Но мы всегда, с самого начала, ощущали себя равными. Да, конечно, мы ели друг друга и все такое прочее; более слабые животные прекрасно знали, чего следует ожидать, если переходишь дорогу кому-то, кто больше тебя и вдобавок голоден. Но мы считали это естественным порядком вещей. Тот факт, что один зверь способен убить другого, отнюдь не возносил первого над вторым; он делал его лишь более опасным. Может быть, вам трудно это понять, но между нами существовало взаимное уважение. Поедать других не значило презирать их; а те, кто попадал другому на обед (или их родичи), вовсе не думали преисполняться благоговейного восхищения перед едоками.

Ной — или Ноев Бог — все это изменил. У вас было Грехопадение; было оно и у нас. Но нас к нему подтолкнули. Впервые мы заметили это, когда шел отбор в Лагерь Избранных. То, что нам сказали насчет каждой твари по паре, было правдой (да вы и сами понимаете, что какой-то резон тут есть), но ведь этим дело не ограничилось. В Лагере мы стали замечать,

что от некоторых видов оставлено не по двое, а по семеро (снова эта одержимость числом семь). Поначалу мы решили, что пятерых лишних берут про запас, на случай, если заболит основная пара. Но потом все стало постепенно проясняться. Ной — или Ноев Бог — постановил, что есть два типа животных: чистые и нечистые. Чистых брали на Ковчег по семеро; нечистых по двое.

Вполне понятно, что, узнав о такой разделительной политике, звери дружно вознегодовали. Действительно, во-первых, сами чистые животные были весьма смущены; они отдавали себе отчет в том, что мало чем заслужили это особое покровительство. Хотя именоваться «чистыми», как они вскоре обнаружили, было сомнительным плюсом. Быть «чистым» значило быть годным в пищу. Семерку встречали на корабле с распростертыми объятиями, но пятеро предназначались для камбуза. Им оказали оригинальную честь. Правда, условия, в которых они содержались до дня их ритуального убиения, были наилучшими из возможных.

Я-то иногда видел в этой ситуации и забавную сторону и мог позволить себе посмеяться — таково преимущество отверженного. Но среди тех, кто относился к себе серьезно, возникла уйма конфликтов на почве ревности и зависти. Свиньи, будучи от природы нечестолюбивыми, расстроились не слишком; но некоторые другие, отнесенные к нечистым, восприняли это как личное оскорбление. И надо сказать, что такая система — по крайней мере, в интерпретации Ноя — отнюдь не выглядела сколько-нибудь разумной. Что особенного в парнокопытных жвачных животных, спрашивали вы себя? Почему верблюда и кролика следует относить к зверям второго сорта? Почему рыб, имеющих чешую, надо отделять от рыб без

чешуи? Лебедь, пеликан, цапля, удод — разве это не прекраснейшие виды? Однако их не наградили отличительным знаком чистоты. Зачем унижать мышей и ящериц — у которых, как известно, и так достаточно проблем — и тем самым еще больше подрывать их веру в себя? Если бы только нам удалось увидеть во всем этом хоть крупицу смысла; если бы только Ной объяснил все это потолковее. Но он умел лишь слепо подчиняться. Ной, как вам говорили много раз, был очень богобоязненный человек; и пожалуй, принимая в расчет характер Бога, вы не могли бы избрать более безопасную линию поведения. Но если бы вы слышали плач устрицы, серьезные и недоуменные жалобы омара, если бы видели, как горько сетует на свой позор аист, вы поняли бы, что наши взаимоотношения уже никогда не будут прежними.

Была и еще одна маленькая трудность. Представителей нашего вида, пробравшихся на борт контрабандой, благодаря несчастному совпадению оказалось именно семеро. Мы были не только безбилетниками (которые кое-кого раздражали) и не только нечистыми (которых кое-кто уже начал презирать); мы еще и оскорбили эти чистые и находящиеся на законном положении виды, уподобясь им в их священном числе. Скоро мы решили не говорить, сколько нас на самом деле, и никогда не появлялись в одном месте все разом. Мы выяснили, где мы на корабле желанные гости, а где нам лучше не показываться.

Так что, как видите, наш конвой с самого начала был несчастлив. Одни из нас тосковали по тем, кого пришлось бросить на погибель; других не устраивал их статус; третьи, которым был великодушно пожалован титул чистых, обоснованно опасались угодить в печь. А надо всем этим стоял Ной со своей семьей.

Я не хочу задеть вас, однако Ной не был хорошим человеком. Разумеется, я понимаю, как неприятно вам это сообщение, ведь все вы его потомки; но факт есть факт. Он был чудовищем — самодовольный патриарх, который полдня раболепствовал перед своим Богом, а остальные полдня отыгрывался на нас. У него был посох из дерева гофер, и им он... в общем, полосы у некоторых зверей остались и по сю пору. Поразительно, что может сделать страх. Мне рассказывали, что у представителей вашего вида от сильного шока волосы могут побелеть в считанные часы; на Ковчеге страх творил еще и не такое. Была, например, пара ящериц, которые, едва заслышав шаги спускающегося по трапу Ноя, натурально меняли цвет. Я сам это видел: кожа их теряла естественную окраску и сливалась по цвету с окружающим фоном. Ной медлил у их клетки, на мгновение удивляясь тому, что она пуста, затем шел дальше; и когда стук сандалий из дерева гофер затихал, испуганные ящерицы начинали постепенно обретать свой нормальный вид. В послековчеговые годы эта уловка, очевидно, им пригодилась; но начиналось все с хронического ужаса перед «Адмиралом».

С северными оленями дело обстояло посложнее. Они всегда были пугливы, но это был не просто страх перед Ноем, тут крылось нечто более глубокое. Вы ведь знаете, что кое-кто из нас, животных, обладает даром предвидения? Даже *вы* и то это заметили, пронаблюдав за нашими повадками много тысяч лет. «Смотрите-ка, — говорите вы, — коровы опускаются на траву, значит дождик пойдет». Конечно, все гораздо тоньше, чем вы способны себе представить, и главное тут, уж разумеется, не в том, чтобы служить дешевым флюгером для человеческих особей. Во всяком случае, северных оленей тревожило нечто большее,

чем сам Ной, нечто иное, чем морские бури; нечто... отдаленное. Они покрывались потом в своих стойлах, они негромко, боязливо ржали в периоды томительной жары; они лягали перегородки из дерева гофер в отсутствие видимой опасности — да и после не происходило ничего, что могло бы оправдать такое поведение, — причем беспокоились и тогда, когда Ной бывал настроен относительно мирно. Но северные олени что-то чувствовали. И это было что-то, в ту пору нам не доступное. Они словно говорили: по-вашему, мы переживаем сейчас самое худшее? Не надейтесь. Однако даже олени не могли разобраться толком, что их пугает. Это было что-то смутное, грозное... отдаленное.

Прочих же из нас, что вполне понятно, гораздо больше волновало сиюминутное. С большими животными, например, всегда поступали крайне безжалостно. Санитарного корабля нет, постоянно напоминали нам власти; поэтому не должно быть ни болезней, ни симуляции. Такой подход едва ли назовешь справедливым или реалистичным. Но мы прекрасно знали: о своем недомогании надо помалкивать. Только заикнись о том, что у тебя легкая чесотка, и не успеешь высунуть для проверки язык, как очутишься за бортом. А что потом случится с вашей лучшей половиной, догадываетесь? Кому нужны пятьдесят процентов от брачной пары? Ной не страдал излишней сентиментальностью и не собирался уговаривать безутешную вдову владеть одинокое существование вплоть до естественного конца.

Теперь ответьте на такой вопрос: чем, по-вашему, Ной и его семейка питались во время плавания? Кой черт, да *нами* же! Ведь если вы поглядите на нынешний животный мир, то поймете, что он далеко не полон, правда? Много зверей более или менее похожих,

потом — брешь, а потом опять более или менее похожие? Я знаю, что вы придумали в истолкование свою теорию — про связь с окружающей средой и наследуемые навыки, что-то в этом духе, — однако загадочные пробелы в спектре творения объясняются гораздо проще. Одна пятая земных видов утонула вместе с Варади; а что до прочих отсутствующих, так их съели Ной и компания. Да-да. Была, например, пара арктических ржанок — очень славные птички. Когда они появились на судне, оперение у них было голубовато-коричневое в крапинку. Через несколько месяцев они начали линять. Это было вполне нормально. Летние перышки выпадали, а под ними уже проглядывали зимние, чистейшего белого цвета. Конечно, мы находились не в арктических широтах, так что эта подготовка к зиме была совсем необязательна; но природе ведь не прикажешь, верно? И Ною тоже. Едва заметив белеющих ржанок, он решил, что они занедужили, и, обуреваемый трогательной заботой о здоровье других пассажиров, сварил несчастных птиц, слегка приправив их водорослями. Он был невеждой во многих отношениях и, уж конечно, не был орнитологом. Мы сочинили петицию и объяснили ему кое-что насчет линьки и соответствующих изменений окраски. Постепенно он, кажется, это усвоил. Но арктических ржанок было уже не вернуть.

Понятно, этим дело не кончилось. С точки зрения Ноя и его семьи, мы представляли собой просто-напросто плавающий кафетерий. На Ковчеге не разбирались, кто чистый, кто нечистый; сначала обед, потом обедня, такое было правило. Вы и вообразить себе не можете, какой богатейшей фауны Ной вас лишил. Или, наоборот, можете, потому что как раз это вы и делаете: вообразаете. Все эти мифические животные, которые грезились вашим поэтам в былые времена —

Оглавление

1. Безбилетник	7
2. Гости	43
3. Религиозные войны	77
4. Уцелевшая	102
5. Кораблекрушение	138
6. Гора	171
7. Три простые истории	204
8. Вверх по реке	229
Интермедия	268
9. Проект «Арарат»	299
10. Сон	341